

М.М.Шахнович

Музей истории религии Академии Наук СССР: страницы прошлого (1932–1961)¹

Музей истории религии был образован в системе АН СССР на основании решений Президиума АН СССР от 7 сентября 1930 г. и Секретариата ЦИК СССР от 26 апреля 1931 г. Инициатором создания Музея и его первым директором был выдающийся российский этнограф и антрополог В.Г.Богораз-Тан (1865–1936). В основу коллекций нового музея были положены экспонаты из собраний Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Государственного Эрмитажа, Библиотеки Академии наук и Государственного Русского музея, использовавшиеся в огромной антирелигиозной выставке, созданной сотрудниками Академии наук в залах Зимнего дворца в Ленинграде в апреле 1930 г. 15 ноября 1932 г. музей был открыт в здании Казанского собора².

Музей истории религии создавался как исследовательское учреждение, призванное комплексно изучать религию как сложный общественно-исторический феномен, включая исследование: эволюции религиозных представлений и культов, места религии в духовной культуре различных эпох, психологического аспекта религиозной веры, религиозно-общественных движений, процессов секуляризации, религиозного искусства и т.п. В «Положении о Музее истории религии», принятом в октябре 1931 года на общем собрании Академии наук, отмеча-

1 Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-03-03307а.

2 В настоящее время Государственный Музей истории религии (Санкт-Петербург) – крупнейший музей подобного рода в мире, его коллекции включают более 170 тыс. предметов, отражающих многообразие религий. Среди них – археологические и этнографические материалы, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, архивные документы. Уникальная библиотека Музея – самое крупное в России специализированное собрание книг по проблемам религии – насчитывает свыше 180 тыс. единиц хранения, в том числе рукописные книги и инкунабулы. В ноябре 1961 г. музей был выведен из Академии Наук и перешел в ведение Министерства культуры Российской Федерации. С 2001 г. экспозиция и коллекции Музея располагаются в новом помещении (Почтамтская ул., 14/5).

лось, что религия должна изучаться в музее в развитии – от её зарождения до современного состояния.

Если в середине 20-х годов директор Музея антропологии и этнографии профессор Л.Я. Штернберг, разрабатывая концепцию развития своего музея, предполагал открыть в нем отдел эволюции и типологии культур, то Богораз и его ученики разработали и воплотили в жизнь концепцию музея эволюции и типологии религий. На протяжении десятилетий музейные сотрудники, не только хранили (часто спасая от уничтожения) многие памятники религиозной культуры, но и вели планомерное исследование фундаментальных проблем религиоведческой науки.

В 1922 г. замечательный специалист в области религиоведения академик Н.М. Никольский в публичной лекции, посвященной задачам этой дисциплины, отмечал необходимость свободного научного творчества для ученого-гуманитария. Можно считать своеобразным подвигом лучшей части всех поколений сотрудников музея, которые, несмотря на длительное отсутствие такой свободы, развивали и преумножали традиции российской религиоведческой школы, сложившейся в процессе формирования и становления отечественной гуманитарной науки в целом¹.

Период с 1932 по 1944 г. – это этап становления Музея истории религии АН СССР, заложения основ и традиций как научно-фондовой и экспозиционной, так и исследовательской работы. В это время в музее работал очень небольшой коллектив сотрудников-единомышленников, объединившихся вокруг В.Г. Богораз-Тана, а после его кончины – вокруг второго директора музея Ю.П.Францева². Уровень исследовательской работы в МИР в этот период был настолько высок, что в 1935 году, после отчета музея о научной работе на бюро отделения истории Академии Наук было принято решение о создании на его базе научно-исследовательской ассоциации изучения религии.

1 См.: *Шахнович М.М.* История отечественного религиоведения// «Религиоведение», 2005, № 1. С. 118–134.

2 Францев Юрий Павлович (Францов Георгий Павлович) (1903–1969) – историк и философ, партийный общественный деятель, доктор исторических наук, был на посту директора МИР с 1937 по 1945 г., затем перешел на дипломатическую и партийную работу; с 1964 г. – действительный член АН СССР.

Много сил и энергии в организацию научных исследований в МИР АН СССР вложил выдающийся знаток религиозных движений, историк и публицист В.Д. Бонч-Бруевич (1843–1955). Он был директором Музея с 1946 по 1955 год, совмещая этот пост с рядом должностей в Москве, в том числе возглавляя с 1947 года сектор истории религии и атеизма Института истории АН СССР. Бонч-Бруевичу принадлежит заслуга спасения музея от многочисленных попыток его ликвидации, от стремлений свернуть религиоведческие исследования в стране в целом. Постоянно находясь в Москве и приезжая в музей примерно раз в год, Бонч-Бруевич практически ежедневно писал письма в Музей.

Бонч-Бруевич придавал огромное значение пополнению научной библиотеки музея, которая постепенно превратилась в уникальное собрание различных изданий, имеющих отношение к религии и религиозной философии. В марте 1948 года он писал в музей своему заместителю по научной части М.И.Шахновичу о задачах комплектования музейной библиотеки: «На письмо из Главного Архивного управления МВД СССР необходимо обратить очень серьезное внимание ... среди тех книг, которые они предоставляют нам, найдется целый ряд, которые необходимо взять... Также надо и церковную периодическую печать решительно всю собрать»¹. В Главном Архивном управлении «имеются отчеты религиозных братств, которые все нам необходимы; жития и сказания; различные журналы, творения отцов в русском переводе, и т.д., и т.д. Заберите лучше больше, а также посмотрите, нет ли там мелкой агитационно-пропагандистской литературы православной церкви, которая нам очень необходима»². Бонч-Бруевич беспокоился и о комплектовании библиотеки религиозно-философской и церковной литературой, притом, что многие книги подобного содержания в других местах уничтожались или попадали так называемые фонды специального хранения. Летом 1948 года он писал: «Я только что написал проф. Яковкину (директор БАН. – *М.Ш.*) по поводу передачи для нашей библиотеки старой богословской и богослужебной литературы преимущественно XVII и XVIII вв. в коли-

1 Письмо В.Д.Бонч-Бруевича к М.И.Шахновичу. 20 марта 1948 г. Архив ГМИР, ф. 2, оп. 1, № 762, л. 19.

2 Там же, л. 22.

честве 20 000 штук»¹. Заботясь о комплектации библиотеки музея, Бонч-Бруевич одновременно стремился предотвратить утрату или разбазаривание ценных личных книжных собраний и коллекций. Например, сохранился следующий текст: «24 ноября с.г. (1953. – *М.Ш.*) из Москвы по документам Института истории АН СССР, в особом контейнере, отправлена в Музей весьма ценная библиотека покойного профессора В.К.Никольского, умершего недавно в Москве... этой библиотеке, подобранной по нашему профилю, грозило полное уничтожение. Ее удалось спасти»²

Глубоко понимая роль собирательской работы для сохранения исторического и культурного наследия, В.Д. Бонч-Бруевич стал инициатором создания в 1951 году Рукописного отдела (Архива) МИР, который до сих пор собирает и хранит уникальные материалы по истории религии в России. Вот, что писал Бонч-Бруевич сотруднице музея Л.И.Емелях, возглавившей Рукописный отдел: «Сейчас я буду хлопотать об изъятии архивов по нашему профилю. Особенно об архиве адвоката Жданова ... Жданов был одним из главных защитников трезвенников на процессе в г. Владимире, очень много общался с этими интересными людьми и много собрал в своем архиве материалов, касающихся процесса, а также письма трезвенников и их всевозможные писания. Когда мы их получим, это будет большой вклад в наш архив. И далее также будем получать постепенно и другие архивы, нас интересующие»³.

С самого начала в музее, как в экспозиционной, так и в научно-исследовательской практике не существовало отрыва истории религий от истории религиозного (антирелигиозного) свободомыслия и антиклерикализма. Однако «антирелигиозный дух» из музея в то время всячески изгонялся. Бонч-Бруевич писал в одном из своих посланий о том, как должна осуществляться деятельность музея: «... надо вести сильнейшую и убедительную научную пропаганду, но быть очень осторожными и отнюдь не позволять никому задевать или оскорблять религиозные чувства людей... Все эти мои слова должны относиться

1 Письмо В.Д.Бонч-Бруевича к М.И.Шахновичу. 9 июня 1948 г. Архив ГМИР, ф. 2, оп. 1, № 762, л. 12.

2 Письмо В.Д.Бонч-Бруевича к М.С.Бутиновой. 27 ноября 1953 г. Архив ГМИР, ф. 2, оп. 1, № 173, л. 35.

3 Письмо В.Д.Бонч-Бруевича к Л.И.Емелях. 2 октября 1953 г. Архив ГМИР, ф. 2, оп. 1, № 294, л. 38 об.

равно ко всем религиям»¹. При создании новой экспозиции в Казанском соборе он предупреждал: «Алтарь не надо *ничем* *заполнять* (– подч. В.Б.-Б.), ибо это оскорбляет веру православных, считающих место это священным, куда не посвященным лицам входить нельзя, а поэтому *сейчас* надо считаться с этим и решительно не затрагивать чувства верующих»².

Однако именно Бонч-Бруевич способствовал тому, чтобы музей стал называться Музей истории религии *и атеизма*. В своих письмах, которые, как он был уверен, читали не только прямые адресаты, он всячески подчеркивал, что музей был переименован именно по его инициативе, а не по указке ленинградских партийных органов, которые неоднократно сетовали, что название музея не соответствует задачам воспитания трудящихся. Узнав из присланного ему протокола собрания сотрудников от 14 января 1954 года о том, что его заместитель, М.И.Шахнович, сообщил о переименовании музея, как происшедшем по партийному указанию, Бонч-Бруевич написал несколько писем, в которых подробно освещал историю этого события. В частности, он писал ученому секретарю МИР М.С. Бутиновой: «Обком партии никогда не ставил перед Президиумом АН СССР вопрос о переименовании Музея... Вот уже девятый год, как я добиваюсь этого существенного дополнения к названию Музея, причем я ставил его не раз и перед Президиумом АН СССР и перед ЦК, и перед Правительством... еще в октябре 1953 г. я обратился по этому вопросу с письмом к главному ученому секретарю Президиума АН СССР академику А.В.Топчиеву..., где настоятельно просил разрешить это дополнительное, крайне существенное, наименование нашего музея... В этом письме я также сообщил, что и Обком Партии в Ленинграде высказывал мне *пожелание* (выделено мной. – М.Ш.), совершенно согласное с моим мнением, что необходимо прибавить слова «и атеизма», так же как хочет этого и вся наша общественность. А.В.Топчиев сам не мог решить этого вопроса. Он написал сочувственную резолюцию и поставил мое письмо на обсуждение

1 Письмо В.Д.Бонч-Бруевича к М.И.Шахновичу. 28 марта 1948 г. Архив ГМИР, ф. 2, оп. 1, № 762, л. 29.

2 Письмо В.Д.Бонч-Бруевича к М.И.Шахновичу. 21 августа – окончил 26 августа 1951 г. Архив ГМИР, ф. 2, оп. 1, № 776, л.41. (Этот принцип был нарушен после смерти Бонч-Бруевича, когда алтарь собора был плотно заполнен экспонатами, а в нефах появились археологические реконструкции открытых человеческих погребений. – М.Ш.)

Президиума, а сам вскоре тяжело заболел ... На Президиуме академик-секретарь нашего отделения, академик М.Н.Тихомиров, начал свой доклад с того, что заявил, что у некоторых академиков эта моя инициатива вызывает сомнение в необходимости этого дополнения к названию. Президент академик А.Н.Несмеянов в категорической, весьма энергичной форме, заявил, что этот вопрос никаких недоумений и сомнений у него не вызывает, что наоборот, он удивляется, почему раньше это не было сделано... Какой-то академик средних лет присоединился к Тихомирову... <...>Я попросил слова и коротко, но весьма энергично возразил и Тихомирову и этому его союзнику. Президент еще раз произнес реплику вполне меня поддерживающую, а многие из членов Президиума кивали головами в знак согласия...

Президент, видимо вполне удовлетворенный моими разъяснениями, одобрительно поглядывая на меня, поставил вопрос на голосование Президиума. «Против» никого не было, воздержавшихся тоже, и Президент провозгласил, что стало быть принято единогласно и предложил свою формулировку записать в стенограмму и сказал, обращаясь ко мне: «Итак, Владимир Дмитриевич, отныне Ваш Музей называется Музеем истории религии и атеизма», – голосом подчеркнув последние слова.

Таким образом, впервые за все время существования АН СССР, слово «атеизм» официально введено Президиумом АН СССР в название академического учреждения, в систему Академии Наук СССР. Я считаю это событие весьма важным на фронте нашей борьбы. Теперь надо нашими делами всецело оправдать это высокое глубоко идейное наименование, как в показе во всех наших отделах, так и в наших научных исследованиях. И это научно-идейное, материалистическое название нашего Музея достигнуто было нами самими, а не кем-либо со стороны: это достижение неотъемлемо принадлежит нам, как результат восьмилетней борьбы за наше научно-правильное наименование¹. Особенно примечательны в этом письме слова о «пожелании» Обкома. Как бы Владимир Дмитриевич не стремился показать, что решение о переименовании идет «снизу», из музея, он «проговаривается» о, безусловно, реальных обстоятельствах этого дела. Весьма примечательны и последние

¹ Письмо В.Д.Бонч-Бруевича к М.С.Бутиновой. 9 февраля 1954 г. Архив ГМИР, ф. 2, оп. 1, № 175, лл. 4–5.

три предложения. Бонч-Бруевич, видимо, знал или предполагал, а, скорее всего «чуял нутром» стреляного воробья, что грядут серьезные изменения в области идеологического воздействия на общество, которые могут привести к печальным последствиям для музея, поэтому заблаговременно пытался спасти музей от обвинений в пропаганде религии.

И, действительно, спустя полгода после переименования музея, 7 июля 1954 года, ЦК КПСС принял специальное постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в котором выражалось требование шире развернуть научно-атеистическую пропаганду, «разоблачать реакционную сущность религии и тот вред, который она приносит, отвлекая часть граждан нашей страны от сознательного и активного участия в коммунистическом строительстве»¹. За несколько месяцев после принятия этого постановления была «развернута» такая работа, что 10 ноября 1954 года ЦК КПСС вынужден был опубликовать новое постановление – «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения».

Второй этап истории музея связан с восстановлением его после войны и созданием большой экспозиции, сделавшей его известным не только в СССР, но и за рубежом. Шестнадцать послевоенных лет отмечены выходом в свет под эгидой музея крупных монографических исследований, посвященных различным вопросам истории религии и свободомыслия. Научная жизнь музея в этот плодотворный период была ознаменована публикацией семи выпусков «Ежегодника» (1957–1963) – фундаментального периодического религиозоведческого издания, до сих пор сохраняющего свое научное значение.

В начале шестидесятых годов в связи с переводом музея из Академии наук в ведение Министерства культуры усилилось прямое воздействие на его деятельность со стороны Ленинградского Обкома партии, наметился резкий поворот всей работы музея в сторону открытой атеистической пропаганды. Способствовало этому и проведение в жизнь решений XXII съезда КПСС и июньского Пленума ЦК КПСС (1963) по «широкой и систематической научно-атеистической пропаганде» среди населения. Устная история Музея сохранила соответствовавшие

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 6. М., 1971, с. 504-505.

духу времени слова Н.П.Красникова, партийного выдвиженца, назначенного тогда директором: «Я не знаю, как сделать новую экспозицию музея, но хорошо знаю, как сломать старую!» В 1964 году ЦК КПСС одобрил специальную программу под названием «Мероприятия по усилению атеистического воспитания среди населения», в которой среди прочего предусматривалось усиление атеистической пропаганды средствами культурно-просветительных учреждений. Это не могло не сказаться как на экспозиционной работе музея, так и на научных исследованиях, которые должны были сосредоточиться, прежде всего, на решении актуальных задач и отвечать требованиям политической конъюнктуры. Часть научных сотрудников, активно занимавшихся наукой, покинула музей, было прекращено издание «Ежегодников».

Некоторый толчок для дальнейшего развития научных изысканий был дан лишь через десять лет, в середине 70-х годов, когда музей приступил к изданию статей, объединенных как в периодические, так и разовые тематические сборники: «Актуальные проблемы истории религии и атеизма», «Музеи в атеистическом воспитании», «Атеизм, религия, современность», «Социально-философские аспекты критики религии» и др.

Новый этап жизни Музея начал складываться в середине 80-х годов в связи с перестройкой общества, с прекращением тоталитарных методов воздействия на науку. Решающим стал 1988 год, когда празднование 1000-летия Крещения Руси приобрело государственный характер и определило изменение отношений государства и церкви в нашей стране.